



ВИРАЖ СУДЬБЫ

Вера Русакова

18+

Вера Русакова
Выраж судьбы

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Русакова В.

Вираз судьбы / В. Русакова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В маленькой уединённой гостинице собирается компания из очень разных людей, настроенных по отношению друг к другу не слишком дружелюбно. Ночью одну из постоялиц, студентку медицинского факультета, будят и просят прийти на помощь соседу: налицо признаки отравления

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вера Русакова

Выраж судьбы

Глава 1

Швейцария, Цюрих, 1879 год.

Сидеть перед кабинетом врача и ждать приёма – не самое приятное занятие на свете.

Оно становится особенно неприятным, если судьба к Вам, по Вашему мнению, немилослива, и все неприятности, которые могут произойти – происходят. По крайней мере, многие. И Вы ждёте неприятностей и от визита к врачу.

Добавьте ещё, что в поездку, последствия которой привели Вас в эту очередь, Вы отправились не потому, что Вам сильно этого хотелось – а потому, что не следует отставать от друзей... точнее, от тех, кого Вы так называете, и ещё из желания подтвердить свою мужественность. Лучше бы Вы этого не делали; лучше бы Вы остались в общепитии и писали реферат, отсутствие которого уже вызвало неприятные рассуждения Громовежца Раппа по поводу Ваших способностей и особенно прилежания. С другой стороны, надо заботиться о своей репутации.

Так или примерно так размышлял о своих бедах и несчастьях молодой человек Северино Моратин, студент Политехнического института, тоскливо ожидая приёма у доктора Хеезе. Его сосед Висенте (один из тех, кого он называл другом без малейшей искренности) злобно ворчал:

– Один вред от этих баб! То расходы, то болезни... А в прошлом году, мне рассказывали, одна такая перетравила полдюжины порядочных мужчин прежде, чем попалась.

Развить тему не удалось, ибо из кабинета вышел Хорхе Наварро – единственный из компании, к кому Северино действительно испытывал дружеские чувства.

На вопрошающий взгляд Хорхе тихо ответил:

– Да.

Северино молча взял друга за руку.

– Лучше не надо.

– Надо.

– Следующий!

В небольшой, чистой и полупустой комнате сидел мужчина лет 45, с красивым лицом и длинными руками.

– Вы тоже из этой компании? «Танцы при луне»?

– «Лунное сияние», – тихо поправил его юноша.

– Вы что, всем факультетом туда ездили?

– Нет, зачем. Небольшой компанией.

Хозяин кабинета воздел свои длинные руки:

– Небольшой! Не знаю, как этих шлюшек, а меня вы уже утомили. Мамзель Виктория!

Из боковой двери вышла худенькая девушка в белом врачебном балахоне и косынке.

– Я устал и пойду перекусить. Осмотрите, пожалуйста, этого парня – подозрение на сифилис. Если у Вас будут сомнения – дождитесь меня, но если справитесь с ним сами – буду Вам очень признателен! Очень!

– Поняла, герр доктор. Если мы закончим раньше Вашего прихода – мне звать следующего или просить остальных подождать?

– Звать следующего! И чем больше Вы их обработаете – тем лучше.

И доктор исчез.

Во время этого разговора Северино сидел ни жив, ни мёртв. Похоже, судьба не просто осыпала его пакостями, но и проявляла в этом деле фантазию.

Меж тем девица заняла место врача и подняла на пациента безразличный взгляд.

– Меня зовут Виктоуар Сэрму. Как Вы слышали, получила поручение осмотреть Вас. – Она говорила по-немецки правильно, но с заметным французским акцентом.

– Ваше имя? Возраст? Где живёте?

С обречённостью жертвы, влекомой на заклание, юноша сообщил своё имя, возраст и адрес.

– Почему возникло подозрение?

Северино, запинаясь, рассказал про поездку в загородный кафешантан «Лунное сияние», где выступали экзотические восточные красавицы. Потом мы ээээ ... развлекались. Потом стало известно, что одна из девиц больна... Э .. один из нашей компании ээ.. тоже болен.

Вспомнил про Хорхе и поправился: не один, а два.

– Давно?

– Что?

– Давно были экзотические развлечения?

– Две недели назад. Нет, чуть больше.

– Вполне возможно. Классическим считается трёхнедельный срок.

– В каком смысле «считается классическим»?

– Болезнь обычно обнаруживает себя в течение этого срока после заражения. Бывает, правда, что и позже.

Её холодная деловитость несколько ободрила пациента.

– Обнаруживали ли Вы у себя на теле язвы? Сыпь? Были какие-либо необычные явления?

– Нет.

Юноша настолько успокоился, что стал разглядывать вопросительницу. У неё была очень светлая кожа, правильные, но не приметные, какие-то ускользающие черты лица; волос под косынкой не видно, но брови и ресницы светлые, едва выделяющиеся на коже, а глаза не голубые, как можно было бы ожидать, а серые.

Зря он успокоился, потому что от слов девица перешла к делу: внимательно осмотрела руки, голову, особенно тщательно – рот, воспользовавшись при этом ложкой, и даже в нос постаралась заглянуть.

– Раздевайтесь и ложитесь на кушетку.

– Совсем?

Строгий и, пожалуй, неприязненный взгляд.

– Проявления Вашей болезни могут быть где угодно.

Пока он лежал на спине, m-lle Сэрму осматривала его старательно и безразлично, иногда брезгливо приподнимала, например, руку и разглядывала её внутреннюю сторону и бок, никак не реагируя на тело молодого мужчины.

– Перевернитесь!

Пришлось перевернуться. Осмотр продолжился. И если бы у Северино на затылке были глаза, то он мог бы впервые заметить некоторые эмоции на лице девушки, но эмоции эти были не эротического, а удивлённо-злорадного порядка: спина и ягодицы молодого человека были покрыты свеженькими полосами. Полюбовавшись, девица вернулась к обычной деловитости.

– Можете одеваться!

Моя руки, она добавила уже более приятным тоном:

– Пока никаких примет болезни нет. Но 21 день, если я правильно Вас поняла, ещё не прошёл. Ещё известны случаи более длительного инкубационного срока. Поэтому советую Вам примерно через неделю пройти повторный осмотр. Если будут язвы или сыпь – не ждите. Болезнь весьма опасная, и чем раньше начато лечение – тем лучше.

– Сколько я должен за приём?

Положив деньги и слегка взбодрившись, юноша удалился. В коридоре он взбодрился ещё больше, радостно сказав Висенте:

– Освободил тебе помещение. Заходи!

И ушёл, представляя встречу Висенте с этой особой.

Глава 2

Обычно на каникулы Виктуар Сэрму уезжала домой, в Турин, иногда же отправлялась в какой-нибудь незнакомый город; два с половиной года назад они с Изабеллой совершили прекрасную поездку в Вену, а в прошлом году, в промежутке между вторым и третьим триместрами она одна выбралась в «протестанский Рим» – Женеву. Но сейчас ехать домой не имела смысла – родители на гастролях, сестра Леона гостит у тёток жениха; ехать в незнакомый город – расходы, а семья добывает деньги всеми способами, чтобы оплатить Леонину свадьбу. Стараюсь помочь родным, Викки большую часть лета работала, а сейчас старалась сократить свои траты. Но после первого триместра всё же решила отдохнуть и поехала в гостиницу «Chapereon rouge» – «Красная шапочка».

Из деревеньки старая телега везла её в гостиницу, и добродушный возчик то и дело поворачивался, улыбаясь и болтая с пассажиркой на французском языке с примесью немецких слов. Кантон Цюрих населён в основном немцами, но в деревне этой жило несколько семей, происходивших от гугенотов, бежавших из Франции в эпоху религиозных войн, и ещё сохранявших свой старофранцузский язык, который смущал и очаровывал Виктуар: сама история словно оживала перед ней.

Когда проезжали через мост, возница перестал улыбаться.

– Неудачно построили мост, – сказал он, – я всё жду, когда он наконец рухнет.

Это оптимистичный прогноз девушка слышала уже дважды.

«Красная шапочка» была такая же, как в прошлый раз, только чуть постаревшая; и возчик радостно закричал:

– Мадам Селин, привёз Вам клиентку!

Зато мадам Селин совсем не изменилась.

– Рада Вас видеть, милая! А доктор с супругой? Жаль, жаль. Вы тот же номер хотите? Конечно, можно: у меня сейчас всего два постояльца, отец и сын.

Ведя Викки по коридору, мадам Селин показала ей на две комнаты:

– Отделала всё заново, и двери новые, только цифирки ещё не приделали.

Две новые двери действительно выделялись на общем фоне и не были снабжены номерами.

Сложив свои вещи, Виктуар выбежала наружу – именно выбежала, а не вышла. Гостиница находилась на небольшом участке, обильно заросшем лесом; с двух сторон его обрамляли горы, с одной – довольно глубокий каньон, по дну которого бежала небольшая река, через которую и был переброшен вышеупомянутый мост, а с четвёртой – озеро. К озеру вёл крутой, но вполне проходимый спуск, и в тёплое время года Викки там купалась; но уже наступил ноябрь, и было 5⁰ по Цельсию – так утверждал висевший в гостинице градусник. Картина увядающей природы, величественная и печальная, наводила на философские мысли. Девушка прошла на своё любимое место: там можно было спуститься по дорожке и, сидя на поваленном дереве или стоя рядом с ним, любоваться на речную долину, на ту бухточку, где воды реки вбегали в воды озера, на крутые обрывы и на возвышенности, за которыми находилась невидимая сейчас деревня. Наверное, она больше не приедет сюда: на следующие каникулы приходится свадьба Леоны, и она будет в Турине, с семьёй. А потом пройдёт ещё триместр – и всё. Прощай, студенческая жизнь, здравствуйте, *доктор* Сэрму. По крайней мере, надеюсь на это, ха. Потом надо будет искать работу. Повторить успех Изабеллы ей не удастся; возможно, придётся ехать в какое-нибудь глухое место. А потом... будет она счастлива или нет, никто не знает, но студенткой она не будет уже никогда.

И вдруг до сердечной тоски стало жалко этой милой, сначала трудной, а потом привычной жизни: занятий, лабораторий, анатомички, споров, удач и находок. Бальзак утверждал,

что кокетство женщины иногда доставляет мужчине больше радости, чем её любовь; Виктуар Сэрму, стоя на крутой дорожке, спускающейся к устью горной речки, вдруг подумала: а что, если годы студенчества принесли ей больше радости, чем принесёт вожделенный диплом? Раньше она не задумывалась над этим. «Ну что ж, – подумала девушка, – всё это время я была счастлива. Но уже начало темнеть». И не торопясь направилась в гостиницу – через осенний и действительно страшноватый лес. «Будем надеяться, что здесь нет волков» – шутила когда-то фрау Хеезе.

Глава 3

Гостиница «Chapereon rouge» представляла собой небольшое двухэтажное здание; на первом этаже находились гостиная, столовая, кухня, подсобка и комнаты хозяйки – там Викки никогда не бывала. На втором этаже – номера разных размеров и стоимости. Обстановка гостиной была весьма разнородной, но предметы мебели так долго стояли рядом, что словно сроднились между собой, образуя не очень складное, но единое целое. Здесь были большой диван, кокетливая и безвкусная козетка, кресло-качалка, несколько стульев и столиков; самыми новым и красивым предметом обстановки был шкафчик, на полках которого размещались книги (преимущественно забытые или намеренно оставленные прежними постояльцами) и всякие мелочи (преимущественно того же происхождения). Среди книг были сочинения г-на Тургенева, известнейшего русского писателя, невероятно старый «Готский альманах», стихи Овидия, описание флоры Белуджистана, выполненное неким г-ном Беккетом, «мифы Древней Греции» et cetera. Забытые вещи были под стать книгам: очаровательная пёстрая раковинка и чья-то вставная челюсть; покрытая пылью бутылочка с неизвестным содержимым и колода карт; аптечная склянка с кривой наклейкой и надписью «снотворное»; в лаковой шкатулке без крышки хозяйка держала ключи от комнат, которые мало кто брал. Викки вспомнила, что однажды рассеянный постоялец забыл портмоне с деньгами, но потом вспомнил, и мадам Селин отсылала ему дорогую потерю по почте, страшно волнуясь при этом; а как-то в освобождённом номере нашли чучело ящерицы – мадам Селин ужаснулась, и фрау Хеезе ловко воспользовалась этим, чтобы выпросить ящерицу для себя – «если никто её в ближайшее время обратно не затребует».

Полюбовавшись знакомыми предметами, девушка поднялась к себе, вымыла руки, поправила волосы и полюбовалась на себя в зеркало; она одевалась просто и скромно, не носила корсета – в нём было крайне неудобно работать, а снисходительная природа наделила Викки худобой, но любила делать себе самые модные причёски и втайне была высокого мнения о своей внешности.

Когда она вошла в столовую, двое мужчин, уже сидевших за столом, встали и поклонились; девушка сделала церемонный реверанс. Старший из мужчин оказался высоким, грузным, совершенно седым, но с тёмными глазами, когда-то, наверное, красивыми; он приветствовал вновь пришедшую по-французски.

– Дон Марсиаль Моратин –и-Суньига, к Вашим услугам. Мой сын, дон Северино Моратин-и-Корвахаль.

Когда-то учителю в пансионе пришлось объяснять ученицам систему образования испанских фамилий, поэтому Виктуар не удивилась различию наименований отца и сына.

– Я Аньес-Виктуар Сэрму. Рада познакомиться с вами, сеньоры.

– Красивое имя, подходящее столь прелестной девушке!

– Вы очень любезны!

Старший из собеседников высказал ещё несколько комплиментов, явно по привычке и без всякого воодушевления; Виктуар ответила обычными любезностями. Младший из мужчин не принимал участия в беседе; в отличие от отца он был среднего роста, худой, но с красивыми отцовскими глазами. Погружённая в свои мысли и переживания, Виктуар не обратила ни на кого из них особого внимания, и была только рада, когда затих ручеёк пустословия. Хозяйка внесла мясо.

Глава 4

Утро следующего дня вышло сумрачным и хмурым; Виктуар вышла к завтраку последней, и пока она ела, хозяйка уже убирала за испанцами. Обе женщины чувствовали себя при этом вполне непринуждённо и перебрасывались фразами, которые показались бы странными человеку со стороны. Мадам Селин была, по мнению Викки, дамой загадочной: её возраст было невозможно определить на глазок – не то 30 лет, не то все 50 – свежа, в своём роде довольно красива, но отличалась скрытностью и ничего не рассказывала о себе. Она сама выполняла все хозяйственные работы, за исключением тех, которые требовали большой физической силы. Последние возлагались на широкие плечи придурковатого, но здорового парня, после знакомства с которым доктор сказал жене и Виктуар:

– Все говорят «в здоровом теле здоровый дух», но автор-то писал «надо молить богов, чтобы в здоровом теле был здоровый дух». Как видите, смысл иной.

– Сокращение иногда меняет смысл, – печально заметила Викки. Думала она при этом не столько об античных авторах, сколько об Эмсской депеше.

Несмотря на мрачную погоду, девушка снова прошла на любимое место. Уровень воды в реке заметно поднялся; она стала мутной и порой гнала вниз довольно крупные камни. Возможно, вверху шли дожди или сошли массы снега и льда, затем растаявшие; этот неожиданно бурный поток и мрачные тучи придавали пейзажу зловещий вид. Из глубины памяти пришло воспоминание: девочки в пансионе решили устроить нечто вроде поэтического конкурса и явить миру шедевры собственного сочинения; судить пригласили двух старшекласниц: Изабеллу Маттеи и Лал-баи Шринивасан. Виктуар должна была выступать одной из последних, и с каждым следующим выступлением ей становилось всё хуже – она отчётливо понимала, что стихи её ужасающе бездарны, и большинство предшественниц гораздо лучше её. Только из чувства долга девочка прочитала свои вирши, и даже не огорчилась, когда решительная Изабелла сказала:

– Ты милая девочка, но стихи неважные.

– Может, она ещё разовьётся, – добавила добрая Лал-баи. Но Викки сделала выводы и более никогда не посягала на роль Сафо.

И вот сейчас ей вдруг вспомнились две строчки из собственного творенья:

Идут крутые жизни выражи

Над пропастью любви, болезни, смерти.

Надо же было придумать такую чушь!

Осторожно спустилась девушка к берегу озера, и тучи, словно поощряя смелость, раздвинулись и выпустили солнце. Виктуар зажмурилась, подняла лицо, подставляя его солнечным лучам и поднялась на цыпочки; в порыве телячьего юношеского восторга исполнила несколько танцевальных па и спела песенку Мари из оперы «Дочь полка»:

– *Вперёд! Вперёд! Вот клич наш полковой!*

Беззаботно, ничего не опасаясь, пошла вверх по склону и замерла, как вкопанная: чуть выше неё, поперёк тропинки, стоял младший из испанцев.

При мысли, что он мог видеть её танцевально-певческие упражнения, девушке стало неприятно.

– Вы за мной подглядывали? – резко спросила она.

– Нет, – было совершенно непонятно, правду он говорит или лукавит. – Я увидел Вас и решил поблагодарить.

– За что?!

– За то, что не узнали меня при встрече.

– Я должна была Вас узнать? – Викки стало неловко: сердиться должна не она, а на неё. – Простите! Это весьма нелюбезно с моей стороны.

– Как раз очень любезно. Пожалуйста, не вспоминайте меня и дальше.

Выдав эту странную фразу, юноша повернулся и бесшумно исчез.

Он был молод и ещё плохо знал жизнь. Подобная просьба должна была возыметь – и возымела – эффект, обратный желаемому.

Глава 5

После обеда снова пошёл дождь – мелкий, нудный и затяжной. Стоя у шкафчика в гостиной, Виктуар искала какую-нибудь незнакомую книгу, дабы развлечься чтением у себя в номере. В самый разгар поисков в гостиную спустился младший Моратин, явно за тем же самым; стоя на некотором отдалении, он стал разглядывать полки, по которым шарил Викки. Нет бы ей промолчать; но не то дождь её нервировал, не то манера молодого человека стоять за спиной – девушка повернулась и сказала вполголоса:

– Я Вас вспомнила. Вы приходили к доктору на приём.

– Очень жаль, что вспомнили.

Она пожала плечами.

– Я не болтаю лишнего, если Вас это волнует.

– Очень рад за Вас.

Он злился, но сдерживался.

– А ргрос, раз уже говорим об этом – а Вы ещё раз проверились?

– Нет.

– Зря.

– У меня не было и нет признаков, о которых Вы говорили.

– Если язва появится, например, на спине, или на задней части бёдер – Вы её просто не сможете увидеть.

Упоминание о спине подействовало на собеседника, как красная тряпка на быка – он, правда, не бросился на противницу, но напряжение очевидно возросло.

Поняв, что поступила несколько бестактно, Викки решила исправиться:

– Эти слова Вам покажутся скучными, но они справедливы: болезнь очень опасна, и не только для Вас, но и для близких Вам людей. Лучше лишний раз сходить к врачу, чем довести дело до стадии, когда помочь уже нельзя, и медленно разрушаться – или смотреть, как разрушается Ваша жена, ребёнок, друг. Если Вы не верите мне на слово – посмотрите сами соответствующие книги или посоветуйтесь с другими врачами.

Она говорила заученными фразами, которые повторяла уже раз, с заученными интонациями, ибо не раз уже приходилось успокаивать испуганных, пугать тех, кто не верил в опасность, убеждать тех, кто боялся скандала.

– Хорошо, мадам, Вы меня убедили, – сквозь зубы прошипел собеседник. – Я пройду повторный осмотр, но только не у Вас. Когда мужчину так разглядывает женщина – это... унижительно.

Виктуар начала краснеть. Но из чувства долга она осмотрелась вокруг – просторная комната была пуста; в столовой тоже пусто; в комнатах хозяйки если кто-то и есть (сама хозяйка, скорее всего, на кухне), то он всё равно ничего не услышит. Но она ещё чуть понизила голос:

– Мне всегда казалось, что порка куда унижительнее, чем любой врачебный осмотр.

Юноша отшатнулся, словно его ударили:

– Это Вас не касается! Мой отец – это мой отец, и я обязан ему подчиняться, а вот Вам – нет.

– Так это Ваш отец? – удивилась Викки, запоздало думая, что лучше бы это диалог и не начинался. – А я решила, что Вы любитель лошадки Беркли.

– Какой-какой лошадки?

Понимая, что её окончательно занесло не туда, куда надо, будущее светило медицины не нашло ничего умнее, чем описать устройство, изобретение которого молва приписывает лондонской куртизанке Терезе Беркли.

Собеседник её был так изумлён, что даже забыл про свои унижения:

– Каких только извращений не бывает на свете!

– Да, – согласилась Вики, понадеявшись спустить разговор на тормозах и хватая потрёпанный томик «Поля и Виргинии». Дядя Матьё говорил, что это полная чушь, ну да ладно.

– А Вы-то откуда это знаете? – В вопросе чувствовалось подозрение.

Виктуар ответила ехидной улыбкой:

– В этом городе регулярно осматривают девиц из определённых домов на предмет венерических болезней. Полностью исключить опасность не удаётся, но удаётся понизить. Доктор берёт меня в качестве ассистентки на такие осмотры, да и сами девушки иногда обращаются к врачам по разным поводам, не всегда венерическим. Обращаются же, разумеется, к тем, которых знают... Ну, и врачи от них кое-что узнают.

– Как Вы деликатно выражаетесь: девушки! По мне – просто твари.

– А по мне – ни один мужчина не может осуждать женщину, даже самую распутную, ибо все вы – гораздо хуже нас.

Собеседники стояли друг против друга, покрасневшие, возмущённые, и вели не нужный им обоим спор.

– Вы, женщины, корыстолюбивы и охотитесь только за деньгами!

– А охотники за приданным чем-то отличаются от проституток? Или альфонсы, соблазняющие жен начальников и просто богатых дам?

– Ещё бы француженке не знать про такие вещи!

– Кому бы нас судить – только не представителю нации, чья похотливость и жестокость стали притчами во языцех!

– Похотливые и жестокие люди есть везде, – Северино был не лишен логики и понятия о справедливости. – А вот что скажите, мадам: правду ли утверждают, что одна из «девушек», коих Вы так защищаете, перетравила кучу порядочных мужчин?

– Все погибшие были её клиентами, то есть уже людьми не порядочными, – парировала его визави. – Знаю об этом. Органс – так её звали, она франкошвейцарка – была продана в бордель человеком, которого любила. Ей удалось вырваться – но её родители отвернулись от неё, сочтя опозоренной. Некоторое время она работала продавщицей – но хозяин магазина стал к ней приставать, а жена хозяина на неё же и возложила вину. Она уехала в Цюрих, где её никто не знал – но встретила одного из бывших клиентов, который дал волю не только рукам, но и языку. Пройдя все ступени отчаяния, девушка поступила в заведение и стала истреблять мужиков, которых ненавидела.

Поняв, что говорит слишком громко, остановилась, постаралась успокоиться и снова понизила голос:

– Что меня особенно возмущает, что её, жертву, считали «опозоренной», а бесчестный любовник, хозяин магазина и клиент – они вроде как «порядочные».

Временно исчерпав возмущение, Виктуар остановилась. Её собеседник пожал плечами:

– Общество предъявляет разные требования к мужчинам и к женщинам.

– Да, Вы совершенно правы – это Ваше общество несправедливо и лицемерно.

– Если Вы собираетесь противопоставлять себя обществу – мне Вас искренне жаль, мадам. Трудно Вам будет.

– Спасибо, что сказали. А то без Вас, сеньор, я бы об этом не догадалась.

Резко повернувшись, Виктуар пошла на второй этаж. Она не видела, что собеседник смотрел ей вслед каким-то странным взглядом, в котором мелькало нечто вроде симпатии.

Глава 6

Работник принёс охапку дров и оставил возле камина; дождь продолжал идти. Виктуар читала «Поля и Виргинию»; роман, о котором она слышала самые неодобрительные отзывы, показался ей милым и вовсе не глупым. Она не отрывалась от этого занятия до самого ужина.

Немногочисленные постояльцы сидели в гостиной, откровенно скучая и ожидая, пока хозяйка призовет их в столовую; испанцы играли в шахматы, но чрезвычайно вяло. Ожидание и скука были прерваны скрипом, шорохом и словами:

– Мадам Селин, привёз Вам клиентов!

Клиентов оказалось трое: высокая, красивая женщина лет 25, в траурном, но явно дорогом наряде, с мехами на плечах, внесла мальчика лет 4; за ними вошёл представительный мужчина лет на 10 старше дамы, в клетчатом пледе и с чемоданом; замыкал шествие возница, нагруженный саквояжами, тюками и баулами. Из кухни выскочил работник, усердно кланяясь и выхватывая из рук новоприбывших вещи; гости оглаживались – дама поживее, мужчина помедленнее. Их появление вызвало неожиданную реакцию старшего испанца: он дернулся в кресле с удивительной для человека его комплекции резвостью и резко спросил что-то по-испански.

– Но, – ответил младший, сжимаясь и втягивая голову в плечи.

В этот момент новый клиент увидел обоих Моратинов и в глазах его мелькнуло удивление; он слегка поклонился. Младший встал со стула и тоже поклонился; старший остался сидеть и был явно зол. Виктуар с невольным интересом наблюдала эти непонятные явления.

В гостиную вошла мадам Селин с самой что ни есть любезной улыбкой на лице; при виде новоприбывших она остановилась, и обычно спокойное лицо выразило целую гамму чувств: сначала с него сползла улыбка, потом явилось недоумение, потом враждебность. Викки понимала, что поступает неприлично, но глаз не могла оторвать от этой игры настроений.

– Не ожидала тебя увидеть здесь, Жанна, – лицо мадам Селин стало откровенно злым.

– Я тоже тебя не ожидала встретить здесь, – ответила гостья. – А где старый Франц?

– Он умер, – с явным злорадством ответила Селин. – А я его вдова и владелица гостиницы.

Гостья, несколько растерянная, стала переговариваться со своим спутником на неизвестном Викки языке. Затем решительно объявила:

– Мы остаёмся! Мы займём две лучшие комнаты – надеюсь, они не испортились под твоим управлением?

– Не получится, – злорадно ответила мадам Селин, – Одну из двух лучших комнат заняли эти господа. Она указала на испанцев.

– Неважно, – спутник дамы в мехах впервые отверз уста. – Вы, дорогая Жанна, займёте хорошую комнату, а я – любую другую.

Предводительствуемые мадам Селин, гости стали подниматься вверх; в арьергарде работник и возница тащили саквояжи, тюки и баулы. Оторвавшись от занимательного зрелища, Виктуар как бы украдкой взглянула на соседей: младший Моратин сидел ни жив, ни мёртв, старший был мрачен, как грозовая туча. Девушка поняла, что хозяйка, а также прежние и новые обитатели гостиницы связаны между собой какими-то странными и таинственными нитями, и только она осталась вне этих нитей.

Устроив новых гостей, мадам Селин вернулась и позвала старых постояльцев в столовую. Она была не в духе, и посуду на стол не подавала, а швыряла, словно стараясь её разбить, и достойно удивления то, что все тарелки и чашки уцелели. Ужин прошёл в мрачном молчании. Из кухни изредка доносились голоса работника и возчика.

Вечером Виктуар разожгла огонь в камине и долго смотрела на языки пламени; затем читала «Поля и Виргинию». Затем заперла номер изнутри и легла спать, простившись с днём, который так хорошо начался и так бестолково продолжился.

Глава 7

Виктуар разбудил стук в дверь.

Стук был громкий и частый; сонная девушка не сразу поняла, что происходит; затем зажгла свечу, накинула халат и подбежала к двери.

– Мадмуазель, это я, Северино Моратин, – в голосе звучал акцент, которого раньше не было слышно. – Помогите, пожалуйста, Вы врач, моему отцу плохо!

Первая мысль её была эгоистичной: «отдохнула». Но чувство долга заставило её умыться, глотнуть воды – для отгона сна – получше затянуть поясок халата и наскоро заколоть волосы. В голове мелькали страшные версии: «мы вчера поссорились – вдруг это ловушка? А если он выманит меня из номера и потом изобьёт или выгонит из гостиницы и запрет двери?» Некстати вспомнились шутки фрау Хеезе – про волков. Но всё же она открыла.

Свеча была не нужна – Северино держал в руках масляную лампу. Сопровождаемая человеком с лампой, она дошла до одного из «лучших номеров» и открыла новенькую дверь (без номера); молодой Моратин мгновенно взметнул свою лампу на стол, и Виктуар увидела справа от входа кровать, а на кровати корчился старший Моратин. Он тяжело дышал, лицо было искажено; Вики пощупала лоб – холодный и мокрый; взяв пальцами запястье больного, пощупала пульс – он бился, словно бешеный конь.левой рукой девушка приблизила к лицу старика свою свечу, а правой приподняла веки, осматривая зрачки – они были сужены.

Ей стало страшно.

В следующую секунду она собралась с силами и обдумала положение.

– Есть у Вас рвотное?

Юноша не понял.

– Лекарство для рвоты, – поднеся руку ко рту, постаралась проиллюстрировать свои слова.

На этот раз он понял и отрицательно покачал головой.

В панике осмотрелась вокруг и, к счастью, увидела на столе держалку с несколькими перьями.

– Надо повернуть его набок и наклонить его немного вперёд, – озабоченно объяснила девушка. Вдвоём с сыном старика, который не столько понимал её слова, сколько повторял её действия, они проделали это с тяжёлым, потным, бьющимся в судорогах телом, и Виктуар, пальцами правой руки приоткрыв рот несчастного, левой как можно глубже засунула туда перо и стала вертеть. Старое, известно ещё древним римлянам средство (кому это засовывали перо фламинго, смоченное в яде – Клавдию?) возымело желанное действие: старика начало рвать. Отвратительного вида масса вывалилась на белоснежную простынь, и девушка успела мимоходом пожалеть мадам Селин.

– Вода есть?

Сын мгновенно метнулся в сторону и вернулся с кувшином и стопкой. Понюхав воду и на всякий случай посмотрев не неё (если там яд, вряд ли она его увидит), Виктуар попыталась напоить старика. Он сделал несколько глотков – рвота возобновилась, падая уже не только на кровать, но также на пол и даже на халат девушки. Сколько это продолжалось – судить трудно. Наверное, несколько минут, но минуты показались часами. Видя, что больной всё ещё жив, девушка спросила:

– А уголь у Вас есть?

– Уголь? – Недоумённо переспросил юноша. – Нет, здесь дровами топят.

Несмотря на серьёзность ситуации, Виктуар хихикнула.

– Пищевой уголь, уголь внутрь, понимаете? И изобразила жест, обратный тому, которым изображала рвоту: не изо рта выходит, а входит в рот.

По недоумённому взгляду поняла – не понимает.

– Тогда придётся Вам разбудить мадам Селин. Попросите у неё уголь внутрь, ей доктор в прошлый раз оставил.

Ужасная мысль: а если Селин его весь истратила?

Юноша сначала взялся за свою лампу, потом отпустил её, взял свечу и ушёл. Это было умно: оставить ей побольше света. Она стала массировать тело так, как положено при искусственном дыхании, но на спину его переворачивать боялась из-за возможности возобновления рвоты. Часы показывали без 20 минут полночь; больной перестал биться, пульс его слегка уменьшился; это могло указывать на облегчение, а могло – на приближение смерти.

Когда пришли мадам Селин и молодой Моратин, старик был ещё жив.

Втроём они пересадили старика в кресло; он дышал ещё тяжело, но уже не так, как раньше. Размешав уголь в воде, Виктуар стала осторожно поить больного; в какой-то момент он чуть ожил и начал пить сам. Зрачки немного расширились.

– Я сделала всё, что могла, – сказала Виктуар. – Теперь будем ждать.

Как и следовало ожидать, мадам Селин расстроилась при виде испачканной простыни.

– Простите, – сказала Вики. – Так надо было.

– Я заплачу, – тихо сказал юноша.

Когда мадам начала стаскивать простынь с кровати, Вики наклонилась и внимательно обнюхала рвоту.

– Мадам! У вас есть ненужная миска? Надо бы собрать в неё рвоту.

Сын предложил вместо миски небольшую фарфоровую шкатулочку: Виктуар одобрила её и аккуратно, пользуясь краем шкатулки как ножом, перевалила внутрь её неприятную массу с простыни.

– Ваш отец курит?

– Да, – сын, похоже, был испуган всерьёз и надолго. – А какое это имеет значение?

– Может имеет, может нет, – Вики не хотелось пока говорить ничего определённого.

Но пришлось.

– Странно всё это, – сказала мадам Селин. – Все продукты хорошие, ничего испорченного не было.

– Знаю, – ответила девушка. – Я ведь ела Ваш ужин. Думаю, испорченная пища тут не причём: это похоже на отравление никотином.

– Что это? – испуганно спросила мадам Селин.

– Яд такой. Пока я не уверена в этом, и прошу вас молчать.

Глава 8

В половине первого ночи старик ещё был жив, и состояние позволяло надеяться на лучшее. Она так и сказала Северино. Тот молча кивнул.

– Что пил или ел Ваш отец, кроме того, что если и пили все? Конфеты, печенье...

– Вино. Отец плохо спал, поэтому на ночь выпивал обычно бокал вина.

– Откуда это вино? Купили его или кто-то подарил?

– Не знаю. Отец его с собой привёз.

– А Вы пили это вино?

– Нет.

– Могу я его видеть?

Явилась бутылка итальянского вина, не перwokлассного, но и не самого плохого; такое вино легко можно было купить в местных магазинах. Бутылка была пуста примерно на треть. Виктуар вынула пробку, понюхала вино, посмотрела на свет.

– А бокал вымыли?

Оказалось, что нет: бокал с остатками вина тоже был предъявлен.

Сохраните, пожалуйста, это вино и бокал, – попросила девушка. – Утром попрошу мадам вызвать более квалифицированного врача, всё это может понадобится. Вы говорили, Ваш отец курил... курит – а он курил перед сном?

Юноша отрицательно покачал головой.

– Я же Вам объяснял – он плохо спал. А если курил перед сном, то становилось ещё хуже.

Поэтому он курил в последний раз перед ужином, а потом – уже нет.

– А много он выкуривал за день? Сколько сигарет?

– Нисколько. У него трубка.

– Табак его где?

– Там, – юноша показал на маленькое бюро в углу комнаты.

– Тоже не выбрасывайте. И не давайте отцу курить, пока он не поправится.

– А он поправится?

– Надеюсь.

– Почему Вы спрашиваете про табак? – неожиданно поинтересовался юноша. – Он-то здесь причём?

Виктуар встала, подошла к больному, осмотрела его, померила пульс и, удовлетворенная результатами, снова села в кресло.

Глава 9

– Алкалоиды – это вещества, содержащиеся, главным образом, в растениях. К ним относятся морфин, кофеин, атропин, стрихнин... Насколько Вы знаете химию, и знакомы ли Вам эти названия?

– Я знаю ту часть химии, которая относится к строительству и грунтам, – отозвался юноша. – А из всего, что Вы перечислили, мне известен только стрихнин. Это, кажется, яд?

– Да. Многие из этих великолепных веществ могут использоваться как лекарства, и многие – как яды, причём очень сильные. В 1828 году, если не ошибаюсь, из табака был выделен новый алкалоид – никотин; он произвёл сенсацию, потому что, в отличие от остальных собратьев, является жидкостью. К сожалению, замечательное научное открытие было быстро использовано во зло: в 1850, кажется, году, в Бельгии, какой-то обнищавший аристократ отравил своего шурина – богатого плебея, этим ядом.^[1] Дело наделало много шума и вошло в историю судебной медицины.

Викки понимала, что говорит, как лекцию читает, но остановиться не могла и не хотела. Впрочем, сын пострадавшего слушал её с интересом.

– Мы вчера говорили о деле девицы Органс: так вот, она тоже пользовалась никотином, подливая его в бокалы своих посетителей. Она покончила с собой до суда, и вопрос, откуда взялся яд, так и остался невыясненным. Нас, студентов-медиков, познакомили с этим делом, так сказать, экспериментально: отдали тело одной из жертв для анализа, показали отчёты свидетелей. Когда я увидела, что происходит с Вашим отцом – эти отчёты словно встали у меня перед глазами. А когда я понюхала его рвоту – уловила своеобразный запах никотина – он табачный, но не такой, как у дыма.

Северино передёрнуло от этих жутких подробностей, но потом он подумал и переспросил:

– Вы говорите, никотин – жидкость?

– Да.

– А остальные как выглядят?

– Как белые или светлые порошки.

Он подумал ещё:

– А вид..., ну, как выглядит жертва – оно всегда одинаково? При любом яде?

– При любом алкалоиде, Вы хотите сказать? В чём-то картины отравления совпадают, в чём-то нет. Атропин даёт очень своеобразные симптомы, а вот морфий и никотин – отчасти похожие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.